

Владимир Михайлов

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Владимир Михайлов

Система социальных ограничений

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33831359
ISBN 9785449088833*

Аннотация

С социальными ограничениями (СО) сталкивается каждый, когда общество мешает ему делать то, что он хочет, и заставляет делать то, что он не хочет. И именно поэтому неразумные не хотят покупать и читать подобных книг. Ведь это не детектив. В монографии дана авторская модель СО, показывающая их целостно, как систему концептуальных, идеологических, политических и прочих элементов. Поэтому неразумные предпочитают читать о каждом элементе отдельно, в разных источниках, а не обо всем сразу.

Содержание

Аннотация	5
Пояснение	6
Введение	17
Глава 1. Сущность и проблемы исследования социальных ограничений	40
1.1. Сущность и определение социальных ограничений	40
1.2. Онтологические и гносеологические проблемы исследования социальных ограничений	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Система социальных ограничений

Владимир Михайлов

© Владимир Михайлов, 2019

ISBN 978-5-4490-8883-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Очевидно, что общество, шире социокультурная реальность не только дают человеку возможности самореализации, но и ограничивают и подавляют его. На это обращали внимание многие мыслители прошлого. Лао-цзы считал источником всех социальных бед отступление правителей и народа от пути Дао, Платон и Аристотель – неправильную политическую и социальную организацию, К. Маркс – частную собственность, эксплуатацию, отчуждение... Можно вспомнить в этой связи З. Фрейда, Г. Дебора, Р. Генона, Р. А. Уилсона и многих, многих других... *Автор рассматривает социальные ограничения как своего рода сеть, заброшенную на человека и общество в которой несложно запутаться.* Выявлению содержания, структуры, функций, динамики и методов социального ограничения человека и посвящено данное исследование, ведь *без знания ограничений наложенных на нас, путь к свободе закрыт. Выбор за Вами, Читатель!*

Пояснение

Данный текст является отредактированной и расширенной версией авторской монографии *«Социальные ограничения: структура и механика подавления человека»*, неоднократно переиздававшейся ранее издательством ЛКИ (URSS), последний раз – в 2016г. На первый взгляд может даже показаться, что в неё внесено не так много изменений – однако это не так, *базовый текст существенно откорректирован, но не столько по объему, сколько по смыслу* (порой до противоположного от изначального) и, главное, дополнен (5,5 п.л.). При работе с базовым текстом, по-просту говоря, всех лет после его создания, оказалось, что он далеко не так плох, чтобы вносить в него существенные изменения, что подтверждало и многократное переиздание книги, однако, неизбежно частично устарел, что обусловило потребность в его «модернизации» с учетом современных уже реалий и взглядов автора. Поэтому в новой версии читатель найдет ссылки на более новую литературу и источники. *Жанр книги многомерен и синкретичен* и выходит за рамки строго научной монографии. Помимо сугубо научной, для работы привлекалась философская, эзотерическая, религиозная, художественная, разведывательно-аналитическая и прочая литература. Такой подход обусловлен пониманием непродуктивности любых одномерных, одножанровых и однознач-

ных подходов к описанию феномена социальных ограничений.

В настоящем издании имеются незначительные цензурные искажения первоначального текста, связанные с требованием издателя устранить цитаты из источника 278 (См. список литературы), под предлогом того, что более новая его редакция была «запрещена» для распространения в РФ. Автор рассматривает это как ущемление его прав человека (и прав читателя) на свободу получения информации. К сожалению, подобные негативные ограничительные тенденции всё более распространяются в современной РФ. *Причем по той же самой схеме, когда незаконной произвольной цензуре подвергается то, что формально не запрещено*. Сам автор не нуждается в «госуслугах» по контролю его поведения и в каких-либо ограничениях на получение и распространение знаний. Цензура, на наш взгляд, есть признак неразумности, закономерно преходящей в «дисфункцию головного мозга» по выражению Н. Н. Вашкевича. *Цензура – это проявление коллективной менталопатии, аналогичного психопатии расстройства поведения, связанного с нарушением объективного восприятия, адекватной переработки и передачи информации*. Сами менталопаты при этом считают всех окружающих такими же больными, как и они сами, а потому нуждающимися в негативных информационных ограничениях. *Поэтому, разумному и здоровому читателю нужно задумываться и спрашивать о наличии цензурных иска-*

жений и купюр в различных источниках информации, открыто обсуждать и критиковать подобную ситуацию и использовать её для расширения своих прав и свобод. Так, чтобы все запреты оборачивался в итоге против их источников.

Первое желание обновить свою работу возникло у автора в 2015г., однако издательство, как правообладатель текста, пресекло эту попытку (социальные ограничения!), под предлогом «гибели» в случае нового издания нераспроданных остатков старых тиражей. Ущерб для читателя и репутации автора от продажи устаревшего к тому времени материала его не интересовал, как и возможная прибыль от нового издания книги. Вообще, книга продавалась не очень хорошо, хотя, возможно, и не хуже чем прочие аналогичные работы, изданные в данном издательстве. Один знакомый автора сказал ему, что широкое распространение его книги *целенаправленно сдерживается спецслужбами, в силу её «крамольного» для массового сознания содержания*. Вполне допуская подобное, автор видел и то, что *издательство явно не делало всего возможного для продвижения книги к читателю и увеличения её продаж*. Можно было бы, кстати, и за рубеж её направить, в том числе и в переводном виде, учитывая её самобытность...

Однако актуальна ли поднятая в ней тема? На взгляд автора – более чем актуальна, причем *актуальность её ещё и растёт, учитывая усиление тоталитарно-диктаторских и социально ограничительных тенденций в современном ми-*

ре, о чем подробнее можно прочесть в предисловии к другой авторской монографии «Тоталитарное государство и его социокультурная политика в области физической культуры» 2018г¹.

Вот в газете «Аргументы и факты» обсуждается болезненная тема подъема налогов. «И кому это выгодно? Государство от этого точно пострадает. И вся недавно начатая борьба за выведение малого бизнеса из тени, легализацию доходов предпринимателей и т. д. пойдет прахом. Почему правительство обсуждает столь разнонаправленные вещи? С одной стороны, борется с теневой занятостью, с другой – повышает налог, вынуждая людей уходить в тень. Борется с бедностью, чтобы платежеспособность населения повышалась и развивалась экономика, а через повышение НДС делает людей ещё беднее»², – недоумевает генеральный секретарь Союза профсоюзов России Евгений Куликов. Скорее всего, Е. Куликов нашей книги не читал, и читать её, видимо, не хочет. Хотя в ней как раз содержатся **ответы** на все его «почему». Правительство поступает так потому, что именно с помощью таких противоречивых, на поверхностный взгляд, действий поддерживает наличную систему социальных ограничений. Для поддержания её в неизмен-

¹ Михайлов В. В. Тоталитарное государство и его социокультурная политика в области физической культуры: Монография. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – 292с.

² Куликов Е. Зачем сразу после выборов поднимать налоги? // Аргументы и факты. – 2018. – №13. – С.5.

ном по объему для масс состоянии именно так и следует поступать: прибавив в одном месте, одновременно убавить в другом, сняв ограничения в чем-то одном, тут же наложить их на что-то другое (принцип «Тришкиного кафтана»). А то, что государство от этого пострадает – не беда, ведь оно лишь часть и инструмент наличной системы социальных ограничений. *Но для поддержания системы социальных ограничений лучше всего, этого, конечно, не понимать.* Как писал Дж. Оруэлл – «незнание – сила». И программировать подобное непонимание у масс через подобные «популярные» многотиражные издания. Там даже рубрику специальную создали: «я не понимаю». Ведь если начать понимать, то сразу станет ясно нежелание правительства как-то реально улучшать жизнь основной массы населения, а также необоснованность, несправедливость и абсурдность всего наличного социального порядка, в котором кучка самозванцев явно *не имеет ни желания, ни способностей эффективно распоряжаться захваченными ею огромными ресурсами.* Казалось бы, если ты не чего-то не понимаешь – так иди, учись, вместо того, чтобы пользуясь «авторитетной» должностью транслировать свое непонимание в массы. Но за учебу, увы, денег меньше платят, чем за должность «генерального секретаря» и т. п. А смысл жизни, судя по всему, именно в них...

После публикации монографии *автор столкнулся с рядом неадекватностей в её восприятии.* Кое-кто почему-то решил, что автор – некий пророк, апологет и фанатик соци-

альных ограничений. *Это не так. На самом деле автор скорее «безграничник», чем «ограничник», сторонник освобождения и свободы, а не засилья социальных и прочих ограничений. А темой ограничений он занялся как учёный-исследователь, заметив и ощутив её как проблему для себя и общества в целом, а вовсе не из желания создать секту или «фанклуб» поклонников социальных ограничений. Конечно, такое положение дел тоже мешало популярности книги, ведь автор не стал создавать тренинги «как сделать себя более социально ограниченным» и гастролировать с ними по миру. Для многих такая позиция, видимо, чужда и не понятна...*

Только в одной Москве, по некоторым оценкам более 2-х миллионов собак и 800 тысяч охранников. Во всяком случае, этих сторожей наличной системы ограничений в десятки и сотни раз больше, чем разумных, интеллигентных людей, которым потенциально интересна эта книга. К сожалению, в современной РФ уже сформировалась мощная прослойка сторонников *«собако-охранительного образа жизни и мышления»*, стерегущих, как это и принято в либеральном государстве – *ночном стороже духовного сна своих граждан, самих себя... от самих себя. Конечно, именно собаки и охранники, а не книги и духовные учителя, лучшие друзья духовно, интеллектуально и социально спящих существ.* Уже и памятник поставили собаке верховного охранника, видимо, в противовес американской «Статуе Свободы». Понятно, что свобода – для спящих и неразумных (в том

числе и в США) *злейший враг*, потому что из-за своей неразумности и невежества они *не могут различить полезного и вредного, доброго и злого, а потому в условиях свободного выбора неизбежно ошибаются*. А то ещё и других соблазнят своей ошибкой, как овца, сдуру зашедшая в море и утопившая в результате половину стада, последовавшую по стадному инстинкту вслед за ней (реальный случай из жизни). Для подобной публики «конура» социальных ограничений ближе и родней любой свободы. Отсюда возникает неразумный консерватизм, как стремление сохранять всё привычное, без различения и понимания его полезности или вредности, не видящий, что в природе никаких консервов нет. Снятие социальных ограничений воспринимается как разрушение привычной «конуры» или консервной банки. Поэтому знание системы социальных ограничений, как потенциальный источник сомнения в их истинности и желания от них избавиться для подобной публики совершенно не уместно. Отсюда и *«непопулярность» авторской работы, которая, есть, по сути, диагноз наличного состояния общества, уровня его сна, «свободобобии» и социальной ограниченности*. Кстати, по некоторым данным до 40% россиян страдает психическими расстройствами разной тяжести, из них около четверти – тяжелыми, в том числе разными фобиями, паниками, маниями и т. п.³. Не отсюда ли «свободо-

³ Бондарь Ю. Психические заболевания в России: что происходит. – [http://medportal.ru/mednovosti/news/2017/06/15/682psycho/\(8.05.2018\)](http://medportal.ru/mednovosti/news/2017/06/15/682psycho/(8.05.2018)).

фобия» и подсознательная тяга к жесткому внешнему контролю своего поведения?

Естественно, что авторская монография не стала, как об этом написано в Заключении (и настоящего издания) методологической основой и базисом для более конкретных исследований социальных ограничений в разных сферах. *Маргинализация, замалчивание и несправедливая критика – такова участь подавляющего большинства подобных новаторских работ.* Рыночная стихия не исправляет этой ситуации – популярно и раскупается не новое, а привычное, то чему учили ранее в массовом порядке. Да и прибыль автора – обычно не более 10% от розничной цены издания. Чаще всего обыватель ищет в книге не новое знание, а лишь подтверждение своих уже устоявшихся мнений, возможно с незначительными коррективами. *Извлекать полезную информацию из книг тоже способны далеко не все.* Ещё меньше тех, кто может её практически использовать. Для многих книга – своего рода «опиум для интеллектуала», способ «улететь» в фантазии от наличного проблемного мира, а не инструмент изменения собственной жизни: отсюда бум «фэнтази», детективов и т. п. литературы. Недалекий читатель даже не задумывается, кто, зачем и почему создает и продвигает в массы подобные жанры и к каким социальным результатам это приводит. Автору ещё повезло, что удалось защитить докторскую диссертацию по этой теме в 2007г., когда цензуры в РФ было меньше, чем сегодня. Хотя при обращении к од-

ному «научному консультанту» ему и предложили выкинуть эту книгу (в редакции 2006г.) в помойку и заплатить этим жуликам 5 тыс. долларов за написание другой работы...

В итоге, коллективный «город Глупов» (М. Е. Салтыков-Щедрин) действует как «терминатор эго» талантливых и гениальных индивидов. Затравив (или маргинализовав) очередного гения или таланта, он после его смерти нередко начинает его превозносить (программа И. Христа), *игнорируя общественный ущерб от недополученных от затравленного гения произведений или прочих благ*. Исус Христос, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, С. Есенин свой вклад в общечеловеческую культуру внесли. А какой вклад в культуру внес Дантес или убившие Есенина уголовники-психопаты (назовем вещи своими именами) из советских «собакоохранных» структур? Никакой. А что изменилось с тех пор? По-сути – ничего! И автор получил свою долю гонений за свои публикации и выступления против некачественных диссертаций. *Хотя он не нуждается ни в подавлении «стадом» и бездарями своего «эго», ни в роли «козла отпущения» и «мученика за правду» в ущерб общественным интересам по её распространению*. И не является адептом и сторонником «терпилоидославия», верующим в спасительную силу любых социальных ограничений. *Никаких существенных мер по защите талантливых людей от гонений со стороны бездарей и охраны общество не предпринимает*. Это говорит о том, что оно, особенно на уров-

не коллективного подсознания, живет в парадигме дикарей, приносящих в жертву своим inferнальным «богам» лучших овец из стада и лучших людей из общества. Вопреки той пользе для генофонда или культуры, которую они могли бы принести, что свидетельствует о неразумности такого общества. Зато так сохраняется и поддерживается общественная стабильность, консервируется наличная система ограничений, тормозится общественный прогресс. Перефразируя В. В. Маяковского, оно живет под лозунгом: «Граничь – всегда, дави везде, до дней последних донца. Ограничения во всём – вот лозунг Антисолнца!». Всё это мы говорим здесь для того, чтобы читателю было предельно ясно, что *первой и главной жертвой негативных социальных ограничений являются наиболее талантливые, одаренные и потенциально продуктивные люди*. И автор написал бы и по количеству и по качеству гораздо больше работ, если бы не наличная система социальных ограничений. Например, в системе РИНЦ (май 2018г.) учтено всего лишь примерно 25% его научных публикаций. Так система искусственно превращает нас в дураков. Именно по этой причине ему и недосуг было заниматься дальнейшим развитием этих исследований. Гораздо важнее, на взгляд автора, заняться решением проблемы снятия негативных социальных ограничений, расширения и роста социальной и сверхсоциальной свободы. На этой оптимистичной волне мы и завершим наше пояснение к монографии.

Где я – там реет дух свободы,
Ограничениям – конец!
Я бесконечный дух природы,
Освобождения творец!

Введение

Процессы, происходящие в современном обществе, делают актуальными проблемы взаимодействия личности (души, духа) и общества, индивидуальных и общественных интересов, прав и свобод человека и гражданина, меры его ответственности, зрелости, способности реализовать свои права и свободы без ущерба для других людей и социума в целом. *Возникают естественные вопросы о пределах этих прав и свобод, о возможности их практической, а не декларативной реализации, как впрочем, и об их реальном наличии и адекватности внутренним запросам личности.*

Так возникает вопрос о социальных ограничениях. С одной стороны, это что-то знакомое, интуитивно и *подсознательно* ясное, само собой разумеющееся, то, с чем все мы сталкиваемся на каждом шагу своей социальной жизни, не задавая себе вопроса: что же это такое на самом деле, каково их содержание, структура, функции, результаты? Зачем вообще эти ограничения нужны, откуда и почему они появились, кто и кого ими ограничивает? *Казалось бы, исследуй эту проблему сколько хочешь, бери культуру, или её фрагменты – право, мораль, язык, определяющие, что можно, а что нельзя говорить и делать, а значит и задающие какие-то социальные границы, ограничения, но почему-то та-*

*ких исследований не заметно*⁴. Точнее, они есть, но все как бы о чём-то другом, не о том, не о социальных ограничениях. С. Г. Кара-Мурза писал: «...В мышлении интеллигенции произошел тяжелый методологический провал, связанный со сдвигом от реалистичного сознания к *аутистическому*. Категория ограничений была почти полностью устранена из рассмотрения» (191а, с.224). «Никаких размышлений о структуре несвободы, о её фундаментальных и вторичных элементах не было» (191, с.407). Возможно, подобная ситуация есть следствие бессознательного западничества сознания интеллигенции, так как в западной культуре ограничения воспринимаются как наказание, в отличие от восточной культуры, подчёркивающей важность самоограничения в религиозных целях. Но непонимание несвободы её серьёзно усиливает, ибо незаметность ограничивающих факторов препятствует их преодолению и ликвидации: проблему, которой нет, не нужно решать. *Возникает эффект незаметности несвободы, увеличивающий её власть*, кое для кого желательной, так как чем глупее существо, тем опаснее для него свобода. Это хорошо видно и в природе, где более примитивные организмы имеют меньшую степень свободы. Заметил это и народ в пословице «заставь дурака Богу молиться (не указав, как конкретно это надо делать, то есть, дав ему свободу), он и лоб разобьет». Соответственно, у деградирую-

⁴ На наш взгляд, «нет программы» это изучать, но есть подсознательный запрет не поднимать и не исследовать эту тему.

щего, глупеющего существа начинает проявляться свободофобия и развиваться ограничительные поведенческие программы.

О чём же у нас предпочитают писать, имплицитно подразумевая социальные ограничения? Например, в 1990-е гг. у нас было написано очень много исследований о тоталитаризме, о преследовании там инакомыслящих, подавлении свобод, лишении прав, беззакониях. Вроде бы ясно, если где-то тоталитаризм – значит свободы, социальной, по крайней мере, там нет, значит много социальных ограничений. А если либерализм, «свободный рынок», то значит, социальных ограничений мало, или их может быть, совсем нет? Почему же тогда Н. Луман считает, что там, где применяется насилие, власть исчезает? Может быть в тоталитарных, репрессивных режимах нет власти, которая может кого-то ограничивать и подавлять? Или может быть дело здесь в другом, и *надо просто поменять ракурс видения проблемы и вести речь не о «демократии», «либерализме», «тоталитаризме», а разбирать содержание, структуру и функции социальных ограничений (и свобод) в каждом конкретном случае, сравнивая их?* Однако, об этом сторонники тех или иных социальных проектов, идеологий, программ, религий, концепций и реформ предпочитают умалчивать. Обычно они или манят нас обещаниями свободы и светлого будущего, или просто говорят «так надо», «иного не дано», «таков магистральный путь развития цивили-

зации» или (и) законы «свободного рынка» (смены общественно-экономических формаций). *Может быть, стоит несколько изменить постановку вопроса и спрашивать не о том, что тот или иной проект даст, а что он у нас возьмёт, что мы потеряем в результате его реализации, в чём он нас ограничит?* Например, каковы изменения в структуре социальных ограничений у идущих по «магистральному пути развития цивилизации»? Об этом обычно ничего не говорят, и не случайно: ясное знание содержания и структуры социальных ограничений, претерпевающих изменения в результате реализации любого социального проекта даёт возможность объективного понимания, оценки и прогноза его «поведения», его целей и сути, лишает возможностей манипуляции сознанием, позволяет сделать осознанный выбор и занять чёткую позицию, что создателям социальных ограничений обычно не нужно.

Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что изучение социальных ограничений выводит нас к рефлексивному осмыслению и новому видению и пониманию таких извечно значимых проблем как социальная свобода и необходимость, мораль и право, взаимодействие личности и общества, общества и государства, человек и его способности, права и интересы и многих других. Исследование данного вопроса сохраняет, и будет сохранять актуальность, пока существует человек, культура и общество, а, следовательно, и какие-то социальные пределы, ограничения и нор-

мы. *Без понимания данной проблемы невозможно ни выстроить грамотную социально-экономическую и культурную политику, ни разумную линию индивидуального поведения, ни оптимально реализовать в обществе свой врождённый и приобретённый потенциал, ни осмыслить и обрести феномен свободы.* То есть, попросту говоря, создаёт невозможность эффективно действовать в обществе. Всё это составляет вневременной базис актуальности означенной темы. «Ограничения – запреты есть категория *более фундаментальная*, нежели категория цели. Недаром самый важный вклад науки в развитие цивилизации заключается в том, что наука нашла метод отыскивать и формулировать именно запреты, ограничения» (191а, с.225).

В более узком ракурсе сегодняшнего дня тема актуальна по причине наблюдаемой нами *негативной трансформации систем социальных ограничений как в России, так и в мире*, усиления авторитарных и тоталитарных тенденций, подавления властями населения, подспудной фашизации многих обществ, принудительного навязывания людям войн и конфликтов. Это отмечают сегодня многие авторы, например, В. Э. Багдасарьян и С. С. Сулакшин⁵.

Политические, правовые, экономические, информационные, демографические границы постоянно меняются и без понимания системы социальных ограничений адекватно

⁵ Багдасарьян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. – М.: Наука и политика, 2017. – 328с.

воспринять, понять и реагировать на эти процессы вряд ли возможно. *Можно даже сказать, что мир непонятен без осмысления наличествующих в нём ограничений.* Непонятное и непонятое в свою очередь становится опасным, непредсказуемым и хаотичным. Таким образом, неведение ограничений лишает нас свободы.

Однако, *исследований социальных ограничений в прямом, а не в опосредованном виде у нас нет.*

Представляется, что это следствие известной табуированности, *вытесненности в подсознание* данной темы. Такая ситуация не случайна и психологически понятна: если свобода представляется чем-то положительным и приятным, то противоположное ей, в том числе *ограничения вытесняется из ориентированного на удовольствия внимания.* Видимо поэтому, мы имеем популярную идеологию либерализма, но (пока) не имеем идеологии «детерминализма», которая завлекала бы в свои ряды поклонников ценностью детерминации. Соответственно и сочинений о свободе (пока) существует немало. Хотя власти уже дали подсознательную команду на борьбу со свободой под флагом ограничительного «консерватизма» в духе Р. Рейгана и М. Тэтчер⁶.

С другой стороны, исследование какого-либо вопроса неизбежно подразумевает возможность его переосмысле-

⁶ По мнению американских «палеоконсерваторов» (напр. Патрик Бьюкенен) рейганизм-тетчеризм и неоконсерватизм являются фальсификацией подлинно консервативных ценностей и идеалов.

ния, что можно интерпретировать как разрушение. *В случае социальных ограничений это может сознательно или бессознательно пониматься как угроза анархии и хаоса, в результате разрушения социальных границ и норм, вызывающая иррациональную фобию у части общества.* Поэтому, мы оказываемся перед выбором: или продолжать жить в имеющейся структуре социальных ограничений, принимая законы «Об ограничении...» без ясного понимания категории «ограничения», а значит, испытывая от них оправданные или неоправданные неудобства, или попытаться как-то разобратся в данной проблеме.

Непоставленность вопроса о социальных ограничениях, требует дать определение понятию и существенно затрудняет исследование, делая его вынужденно неполным и требующим дальнейших разработок. Имеет место *противоречие* между актуальностью заявленной темы, наличием значительного массива косвенно отражающих её исследований и отсутствием целостной социально-философской концепции социальных ограничений.

Авторское научное определение социальных ограничений такое:

Социальные ограничения являются необходимой системой социальных детерминант, определяющих спектр возможностей, становящихся социальной действительностью в процессе общественных отношений и общественной практики. Система этих детерминант отражает закономерный,

необходимый характер социальных явлений, социального действия и предстаёт в виде совокупности эксплицитных и имплицитных социокультурных правил и норм, моделей поведения, стереотипов мышления, средств, способов и результатов самовыражения людей, которым они сознательно и (или) бессознательно подчинены и за пределы которых не могут или не хотят выходить даже тогда, когда это необходимо для них самих и (или) общества, в котором они живут. Из данного определения следует, что в роли социальных ограничений могут выступать не только идеальные нормы и стереотипы поведения, но и продукты материальной культуры. Следовательно, социальные ограничения имеют смешанный, идеально-материальный характер, что отделяет их от идеальных норм. Синтетическое, обобщённое рассмотрение норм, стереотипов поведения и материальных артефактов позволяет увидеть их общую ограничительную функцию, которая при ином ракурсе их рассмотрения не очевидна. Снятие социальных ограничений осуществляется посредством девиантного (отклоняющегося) поведения, которое может быть позитивным (творчество) и негативным (преступность). Эксплицированное автором понятие социальные ограничения является новым, ибо ранее подобной экспликации не было.

Но на пути исследования проблемы стоят не только политические и социально-психологические препятствия, но и методологические. Дело в том, что исследование этого

вопроса требует комплексного и междисциплинарного подхода, иначе мы получим социально ограниченное исследование социальных ограничений. Так произойдёт потому, что любая частная гуманитарная или социальная наука ограничена (социально!) полем и предметом своего исследования и господствующей научной парадигмой, предполагающей определённую теорию и методологию познания и исследования. Следовательно, *при разработке темы необходим синтез философских, культурологических, социологических, политологических и исторических методов исследования и подходов при преобладании философского.*

Степень разработанности проблемы определяется с одной стороны тем, что эксплицитно, явно она не выступала в качестве темы специального исследования, но имплицитно и фрагментарно она находила своё выражение в разных аспектах в трудах очень многих мыслителей и учёных прошлого и настоящего.

Найти исследований по социальным ограничениям в каталогах ведущих научных библиотек РФ – РГБ, ИНИОН РАН и других автору в 2006г., на момент второго издания монографии, не удалось. Даже такого словосочетания как «социальные ограничения» в систематических каталогах этих библиотек не было, что свидетельствовало о выпадении из общественного сознания данной категории. Иные названия данной темы закономерно скрывали и иное её раскрытие и понимание. Даже простое переименование социальных

норм в социальные *ограничения* не является всего лишь словесной игрой, но открывает новые ракурсы и смыслы в видении проблемы, показывая *нормальное ограниченным*.

Это означало, что не было не только соответствующих исследований, но и сама проблема фактически не была поставлена. Сходную ситуацию мы имели (и во многом и сегодня имеем) и в предметных указателях к собраниям сочинений Аристотеля, Гегеля, Т. Гоббса, И. Канта, К. Маркса и Ф. Энгельса, Платона, В. С. Соловьёва, Шеллинга и других авторов. Особенно пикантным и странным это выглядит в случае К. Маркса и Ф. Энгельса, тем более что очевидно присутствие у них этой темы.

Получалось, что с одной стороны, например вся законодательная деятельность, представляет собой изменение структуры социальных ограничений, а с другой стороны такой проблемы в сочинениях крупнейших социальных философов как бы нет. Такая ситуация сохраняется и сегодня, так как несмотря на публикацию и неоднократные переиздания авторской монографии «Социальные ограничения: структура и механика подавления человека» (2008, 2011, 2016 гг.) и защиту автором докторской диссертации «Сущность и система социальных ограничений» в 2007г. должного внимания эта тема к себе не привлекла и не стала базисом для соответствующих социологических, исторических, политологических, экономических и прочих социально-гуманитарных исследований, как это могло бы быть. Более того, автор сам

стал с 2015г. объектом социальных ограничений и гонений за свои публикации и взгляды...

Принципиальную ограниченность социального бытия отмечал Лао-цзы и его школа, где идеалом выступал максимально приближенный к природе, живущий в гармонии с Дао человек. Напротив, поддержанием социального порядка и созданием для него систем социальных ограничений были озабочены конфуцианцы и легисты. Подобные системы социальных ограничений в рамках описания идеальных и оптимальных социальных устройств выстраивали многие авторы утопий и социальных проектов: Платон, Аристотель, Данте, Н. Макиавелли, Т. Мор, Т. Кампанелла, Т. Гоббс, Б. Мандевиль, К. Маркс, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, К. Поппер, Д. Ролз и другие. В тесной взаимосвязи с социальным проектированием и утопизмом находилась и находится традиция критики различных социальных неурядиц и проблем, выступающих де-факто в роли социальных ограничений, которые следует преодолеть. Социальную критику, помимо уже перечисленных авторов можно найти в трудах Цицерона, Э. Роттердамского, Б. Спинозы, Ш. Монтескье, социалистов-утопистов, М. Вебера, В. И. Ленина, Т. Веблена, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Р. Генона, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, И. Л. Солоневича, Г. Дебора, Г. Маркузе, Дж. Голдберг, М. Фуко, Ю. Эволы и многих других авторов.

Таким образом, имеется очень обширная литература, посвящённая как социальному проектированию в целом, так

и его критике и критике наличной социальной реальности, но прямо и отчётливо о системах социальных ограничений там, как правило, не говорится, что затрудняет правильное их понимание. Обычной в подобной литературе является следующая установка: раскритиковать «чужую» систему социальных ограничений без определения её именно как системы социальных ограничений и представить свою как гарантию процветания и свободы без указаний на её теневые, ограничительные аспекты (такой рекламно-маркетинговый ход). Однако следует отметить, что любая социальная критика, так или иначе, направлена против каких-то социальных ограничений, поэтому на основе её анализа и синтеза выявляются содержание и структура тех ограничений, против которых она направлена⁷.

Существует весьма значительное количество отечественных и зарубежных работ, затрагивающих проблему социальных ограничений. Какие-то её аспекты, так или иначе, рассматриваются и исследуются во всех работах, представленных в списке литературы по монографии. Но далеко не везде ясно осознаётся сама проблема, а тем более её системный характер. Например, Ю. М. Шейнин писал: «Свобода в человеческом обществе не может носить абсолютный характер. Она всегда ограничена – в ущерб одним и на благо другим. Ограничение свободы имеет двоякую природу – социальную и естественноисторическую. Что касается социальных

⁷ По какой причине её и пытаются ограничить в современной России.

ограничений, то в антагонистическом обществе они отнюдь не совпадают с „категорическим императивом“ Канта» (454, с.64—65). «Тенденция развития коммунистического общества состоит в том, чтобы вплотную приблизить социальные ограничения свободы человека к естественноисторическим ограничениям» (454, с.66). На этом рассуждения автора о социальных ограничениях заканчиваются. Как видно словосочетание «социальные ограничения» у Ю. М. Шейнина *есть*, а *определения его как понятия нет*. Данное словосочетание аналогичным образом иногда употребляют и другие авторы, что делает актуальным более основательный его разбор и изучение, тем более что подобное определение отсутствует и в словарях.

Среди исследований современных российских авторов, косвенно затрагивающих проблему социальных ограничений можно выделить работы Ю. П. Аверина, Л. Ф. Авилова, А. А. Агамова, О. Г. Антоновой, В. Э. Багдасарьяна, Ю. К. Бегунова, М. Б. Бекова, Л. Е. Бляхера, А. П. Большакова, В. И. Бородкина, А. В. Бузгалина, И. М. Быховской, И. В. Василенко, К. С. Гаджиева, Я. И. Гилинского, И. А. Гобозова, Э. Н. Грибакиной, Н. И. Даниловой, Б. А. Диденко, Г. Г. Дилигенского, А. Г. Дугина, Ю. А. Ермакова, А. А. Зиновьева, С. П. Золотарёва, А. Г. Зуба, А. А. Кара-Мурзы, С. Г. Кара-Мурзы, О. Карпухина, Р. Х. Кочесокова, О. Л. Краевой, В. В. Крамника, А. И. Кугая, Е. С. Курбановой, В. А. Кутырёва, В. А. Лисичкина и Л. А. Шеле-

пина, С. П. Лужницкого, Э. Макаревича, В. П. Макаренко, С. А. Макеева, С. А. Модестова, К. Х. Момджяна, Л. С. Николаевой, А. В. Новикова, А. С. Панарина, Э. А. Позднякова, А. Г. Погоняйло, В. С. Полосина, П. А. Сапронова, Н. И. Сидоренко, Э. Г. Соловьёва, С. С. Сулакшина, В. Г. Тахтамышева, Ж. Т. Тощенко, Г. Л. Тульчинского, Е. М. Харитонova.

В них разобраны, в частности, такие непосредственно связанные с социальными ограничениями вопросы как социальная монополия (М. Б. Беков), социальный хаос (Л. Е. Бляхер), социальная деградация (А. А. Кара-Мурза), социальное неравенство (Э. Н. Грибакина), социальная мобильность (И. В. Василенко, С. А. Макеев), социальный контроль (О. Г. Антонова, Я. И. Гишинский, О. Карпухин, Э. Макаревич, А. В. Новиков), социальные нормы (Н. И. Сидоренко), бюрократизм (В. П. Макаренко), глобализация (А. В. Бузгалин, В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин, А. С. Панарин), идеология (А. А. Зиновьев, С. П. Золотарёв, В. Г. Тахтамышев), манипуляция сознанием (Ю. А. Ермаков, С. Г. Кара-Мурза), свобода (А. А. Агамов), самозванство (Г. Л. Тульчинский), власть (Ю. П. Аверин, П. А. Сапронов, Е. М. Харитонов), политика (Ю. К. Бегунов, И. А. Гобозов, Э. А. Поздняков), биополитика (А. Г. Зуб), тоталитаризм (К. С. Гаджиев, А. А. Зиновьев, Р. Х. Кочесоков), либерализм (С. П. Золотарёв), насилие (А. И. Кугай), информационная война (В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин), традиция и современность (А. Г. Дугин, В. Г. Федотова), «четвертая политическая тео-

рия» (А. Г. Дугин), психофизический потенциал человека и общество (И. М. Быховская, О. Д. Гаранина, О. Л. Краева, В. И. Столяров), фашизм и качество государственного управления (С. С. Сулакшин) и другие. Однако проблема социальных ограничений в целом в них не ставится, что свидетельствует о наличии существенного, но восполнимого, с учётом уже проделанных исследований, пробела в социально-философском знании.

Проблема социальных ограничений затрагивалась и в советской литературе. Были исследованы такие её проявления и сопряжённые вопросы как тоталитаризм (С. А. Гомаюнов, С. Н. Зимовец) и фашизм (А. А. Галкин), организация общества (А. А. Богданов), социальная мобильность (Т. М. Алпеева, С. А. Макеев), социальный контроль (А. А. Рябов), стандартизация (Г. В. Кончаков), принуждение (В. П. Фёдоров), деидеологизация (Л. Н. Москвичёв), личные и общественные интересы (В. В. Заплетин) социальные нормы (Л. А. Андреев, С. А. Даштамиров, Е. М. Пеньков).

В ряде исследований изучались различные *фрагменты* системы социальных ограничений. Например, Н. И. Сидоренко предпринял попытку исследовать социальные нормы (368). Однако, камнем преткновения для этого автора стала проблема происхождения социальных норм. В разделе «научная новизна» своего автореферата Н. И. Сидоренко утверждает: «выявлен источник генезиса социальных норм в первобытном обществе, заключающийся в *необходимости*

фиксации усложняющихся стереотипных операций (курсив мой) в развивающемся сознании людей для упорядочивания их деятельности по поддержанию жизни» (368, с.7). Сразу же возникает вопрос, какие стереотипные операции фиксируют любые запретительные нормы, например табу или «не убий», «не укради»? Из утверждений Н. И. Сидоренко также логически следует, что эти стереотипные операции совершались изначально вне норм, автоматически – бездумно, стихийно, сами по себе, что, мягко говоря, сомнительно. Далее ещё интересней: «выяснено, что действие детерминант, обуславливающих человеческую деятельность, в состоянии фиксироваться с помощью социальных норм, которые служат средствами подчинения проявлений необходимости определенному нормами порядку» (368, с.7). Человеческую деятельность, как известно, обуславливают разные детерминанты, например природно-климатические. Из утверждения Н. И. Сидоренко можно сделать вывод, что допустим, социальная норма сначала фиксирует наступление зимы (1 декабря), а если зима наступает по видимости раньше, то она её подчиняет, как бы говоря «зима стой, ещё рано», «Солнце вперёд» и т. п. Ещё Н. И. Сидоренко полагает, что «анализ накопленных сведений убеждает, что появление норм – это результат, возникающего в процессе взаимодействия человека с миром осознания необходимости, целесообразности, последовательности и упорядоченности деятельности людей для гарантированного удовлетворения по-

требностей» (368, с.16)⁸. На самом деле анализ накопленных сведений совершенно в этом не убеждает. *Нормы очень часто создаются господствующими классами и группами в целях удовлетворения их корыстных потребностей и интересов, зачастую разрушительных для целесообразности, последовательности и упорядоченности в деятельности людей.* Как неработающий закон, который, кстати, тоже является нормой, соотносится с осознанием необходимости, целесообразности, последовательности и упорядоченности деятельности людей для гарантированного удовлетворения потребностей? Работа Н. И. Сидоренко и аналогичные ей исследования свидетельствуют о серьёзнейших пробелах и недостатках в исследовании социальных ограничений и норм⁹.

Прямо рассматривались проблемы правовых ограничений (имплицитно данный вопрос ставится практически в любой правоведческой работе, т. к. любая норма является ограничением) в работах А. В. Малько, А. А. Подмарева, С. А. Денисова, В. А. Коннова. В диссертационных исследованиях данных авторов было введено и обосновано понимание права как инструмента ограничения: прав и свобод граждан (В. А. Коннов, А. А. Подмарев), бюрократии (С. А. Денисов). В диссертации А. В. Малько разработа-

⁸ Это наглядное подтверждение тезиса М. Хайдеггера, что «наука не мыслит».

⁹ Видимо, подобные труды создаются в качестве «легенд прикрытия» соответствующих тем для обывателя и массово-научного сознания.

на концепция правовых стимулов и ограничений, как способов реализации основанного на двоичном коде социального управления. В этих работах отмечается, что *в советской правоведческой литературе вопрос о правовых ограничениях, об ограничительной функции права прямо не поднимался*. Перечисленные работы не являются единственными, в которых изучены правовые ограничения, их особенностью являются вынесение темы ограничения в заглавие, что делает её ключевой¹⁰.

Проблема экономических ограничений исследовалась в диссертационных работах Д. Ю. Васильева, Н. И. Ильина. Первый автор обнаруживает сам факт наличия экономических ограничений, а второй на основе изучения теневой экономики разрабатывает механизм её ограничения, в том числе и экономическими методами. Также экономические ограничения изучались, описывались и критиковались в публикациях Ж. Аттали, В. Э. Багдасарьяна, Д. Белла, Ж. Бодрийяра, С. Н. Булгакова, А. В. Бузгалина, Т. Веблена, С. Ю. Глазьева, А. Г. Дугина, А. А. Зиновьева, Г. Зиммеля, В. Ю. Катарсонова, А. К. Крыленко, В. А. Кутырёва, Л. Ларуша, В. И. Ленина, К. Маркса, Г. Маркузе, Д. Неведимова, А. С. Панарина, А. П. Паршева, Д. Сороса, В. Г. Федотовой, Ф. Хайека, Ю. Эволы, Ф. Энгельса, Р. Эпперсона и других авторов.

Языковые ограничения, существующие в русском язы-

¹⁰ Сегодня «хитовой» темой является исследование легитимности государственно-правовых институтов РФ с точки зрения международного права.

ке рассматривались в диссертации О. А. Михайловой. Проблема языковых ограничений поднималась также в работах Н. Т. Абрамовой, А. М. Анисова, Ж. Батая, Н. П. Безлепкина, Ж. Бодрийяра, С. Н. Булгакова, Н. Н. Вашкевича, Л. Витгенштейна, Г.-Г. Гадамера, В. Гумбольдта, А. П. Девятова, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж. Деррида, А. Г. Дугина, И. А. Ильина, С. Г. Кара-Мурзы, И. Г. Корсунцева, А. И. Кугая, Н. А. Купиной, А. Ф. Лосева, Г. Маркузе, Ф. Ницше, В. Д. Осипова, В. А. Смирнова, Р. А. Уилсона, П. А. Флоренского, М. Фуко, А. С. Хомякова, Ф. Г. Юнгера.

Исходя из разработанной автором модели системы социальных ограничений, можно выделить и другие их отдельные формы, исследованию которых (имплицитно и под другими названиями) посвящена обширная литература. В частности, это идеологические, этические, эстетические, политико-управленческие, информационно-образовательные, технико-технологические, структурно-демографические ограничения. Ситуация с их исследованием аналогична ситуации с экономическими и языковыми ограничениями: наличие большого массива литературы, где они рассматриваются изолированно от других элементов данной системы и в иных ракурсах, с иных идейных позиций чем в данной работе.

Ограничения, существующие на пути становления гражданского общества в России, показывает Л. Я. Орлова, откуда можно сделать вывод о наличии социальных ограничений, мешающих формированию гражданского общества.

Вопрос ограничения средств и методов ведения войны, наводящий на мысль о том, *что сама по себе война является формой социального ограничения, которую следует ограничить* поднимает Ф. Кальсховен.

Парадигмальные ограничения в социальных науках, развивая идеи Т. Куна, выявляет Г. В. Каныгин, подводя нас к мысли о взаимосвязи социальных и гносеологических ограничений.

Принцип ограничения возможных ходов и действий противника, как главную цель шахматной игры рассматривал А. А. Мацукевич. У З. Бжезинского подобный принцип становится основой глобальной политики США. Так происходит преобразование шахматно-игровых ограничений в социальные.

Все эти работы наглядно свидетельствуют об актуальности постановки самой проблемы социальных ограничений. С другой стороны их тематика и содержание показывают как *отсутствие целостной модели социальных ограничений*, так и необходимость её создания, хотя бы в целях обобщения и систематизации их содержания. *Отсутствует* в данных работах и *чёткое определение социальных ограничений*. Многие авторы лишь подходят к пониманию отдельных фрагментов социальных ограничений, что делает актуальной адекватную интерпретацию их публикаций, для которой отсутствуют теоретические модели. *Обоснована и потребность в обобщающей модели социальных ограничений как ин-*

струменте выделения информации по данному вопросу из порой хаотических и несистематизированных высказываний того или иного автора (например, А. С. Хомякова) для историко-философской реконструкции его взглядов. Ясно, что подобная модель может быть использована для вычленения и структурирования соответствующей информации из любых информационных потоков. Кратко степень разработанности проблемы можно обозначить так: *материала по данной проблеме очень много, но он не осознан, не обобщён, не структурирован.*

Ясно, что *проблема социальных ограничений диалектически связана с проблемой свободы, особенно социальной.* «Всякое осуществление свободы может казаться в то же время её обеднением и в пределе – её самоотменой. Всякий акт выбора уже как бы отменяет свободу... ограничивает и обязывает выбравшего. Выбирающий волен в своём выборе до конца, выбрав же, он уже невольно становится рабом объекта выбора. Свобода тут материализуется, отяжелевает и тем самым становится необходимостью. Необходимость и есть ставшая свобода – свобода, ставшая бытием» (233, с.136), – писал С. А. Левицкий. *Значит проблема ограничений, в том числе социальных имплицитно ставится и решается именно в философии свободы, хотя понимается она различно.*

«Но вот в чём вопрос: существует ли единая проблема свободы? Действительно ли о свободе во все века спраши-

вают одинаково? Разве глубокомысленный миф из платоновского сочинения о государстве, согласно которому душа в своём состоянии до рождения сама избирает себе жизненный жребий, ...сводится к тому же самому, что и понятие свободы, которое господствовало, скажем, в нравственной философии стоиков, с непреклонной решимостью говорившей: единственный способ быть несвязанным и тем самым свободным – это не привязываться сердцем ни к чему, что не в нашей воле? ...И та же ли самая это проблема, когда мы в нашу эпоху естественных наук ставим вопрос: как надо понимать возможность свободы перед лицом сплошной детерминированности природных процессов... *Проблема, поставленная вообще, – это как вопрос, ни разу не заданный по настоящему.* Каждый по настоящему заданный вопрос мотивирован» (90, с.32—33), – писал Г.-Г. Гадамер. Следовательно, *вопрос о социальных ограничениях должен быть поставлен, введён в научный и философский дискурс, осмыслен и понят и, насколько это возможно в сегодняшних социальных и природных условиях Земли, разрешён. Разрешение вопроса социальных ограничений – это, на наш взгляд, освобождение человека, очень сильно скованного ныне наличной социальной системой. Осуществляется это, прежде всего, через снятие, а не наложение различных социальных ограничений на человека. Если современная бюрократия считает, что любые социальные проблемы решаются посредством наложения*

социальных ограничений на человека и общество, то мы придерживаемся диаметрально противоположной точки зрения. Все проблемы решаются не наложением, а, напротив, снятием ограничений. На традиционный для русской интеллигенции вопрос «Что делать?», мы отвечаем – «снимать ограничения», естественно продуманно, а не бездумно хаотично. То есть, чтобы разрешить любую социальную или иную проблему надо найти то, что ограничивает её субъекта, направления развития, процессы и снять эти ограничения...

Глава 1. Сущность и проблемы исследования социальных ограничений

1.1. Сущность и определение социальных ограничений

Как уже отмечалось во введении, одна из проблем социальных ограничений – это проблема неопределённости данного понятия и, следовательно, непонятого и неисследованного явления, которое означенное понятие обозначает. Поэтому следует определить *и укоренить его в языке, мышлении и бытии*, для дальнейшего полноценного оперирования этим понятием и словосочетанием.

«Язык, – писал М. Хайдеггер, – есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи и тем самым сохраняют её в языке» (338, с.314). Приняв тезис Хайдеггера за аксиому, можно сделать вывод: определив, что есть социальные ограничения в языке, мы тем самым выясним и то,

что они есть, то есть их онтологический статус¹¹.

Однако на нашем пути к прояснению сущности социальных ограничений существуют определённые препятствия, осознать которые нам поможет Г.-Г. Гадамер. «Внутри слова – вот на самом деле способ, каким мы говорим... Самозабвение принадлежит к существу языка. По этой именно причине прояснение понятий... может быть всегда лишь частичным. Оно бывает полезным и нужным лишь там, где либо помогает раскрыть сокровище, происходящее из-за отчуждения, одервенелости языка, либо заставляет разделить языковую нужду, достичь необходимой напряжённости в осмыслении чужой мысли... Только тот мыслит философски, кто перед лицом имеющихся в языке выразительных возможностей чувствует недостаточность...» (90, с.36).

Понимая невозможность абсолютно точного и однозначного определения социальных ограничений (с этим согласны не все – См. 50), которые, *существуя как словосочетание в языке уже как-то определены через предрассудочное предзнание и понимание которых зависит от контекста, в котором они употребляются* (как, впрочем, и контекст зависит от них) и от интерпретации интерпретатора, автор не претендует на достижение полной ясности в своём определении. Вообще, определений любого понятия или явления может и даже должно быть много, так как разные

¹¹ Это подтверждают исследования Н. Н. Вашкевича по «системным языкам мозга».

определения выявляют различные аспекты и детали понятия (явления) лучше различаемые разными наблюдателями. Поэтому ситуация множества определений чего-либо – нормальна. В практическом плане можно выбрать и использовать уместное в данном случае определение или обобщить несколько определений в удобное одно. Как известно, *Л. Витгенштейн*, поставивший себе задачу предельного прояснения всех понятий, в итоге зашёл в тупик и в конце своего «Логико-философского трактата» признался: «В самом деле, существует невысказываемое. Оно показывает себя, это – мистическое» (80, с.72). Вероятно, что и в явлении социальных ограничений присутствует нечто подобное, невысказываемое. Однако это не значит, что мы можем ограничиться предрассудочным предзнанием в их понимании, так как в этом случае это понятие (и явление) станут в ещё большей степени жертвами интерпретационного произвола, который, тем не менее, и в случае определения понятия, к сожалению (а может быть к счастью) неизбежен.

В. Даль в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет понятие ограничения так: «Ограничивать, ограничить – означить межи, грани, границы, пределы, рубежи, удерживать в известных пределах, умерять, обуздывать, стеснять, останавливать... «Власть всякого ограничена законом». «Ограничительное распоряжение – стесняющее кого-либо» (127- Т.2, с.647—648).

А вот как В. Даль определяет слово граница – «рубеж,

предел, конец и начало, межа, край, грань» (127-Т.1, с.390—391). Сходное понимание ограничений находим у Аристотеля. Для него ограничение – это конечное (19-Т.3); при этом ограниченное всегда граничит с чем-нибудь (19-Т.3, с.14). Целое для Аристотеля – непрерывное и ограниченное (19-Т.1, с. 175). Беспредельное для Аристотеля *вне бытия, вне формы и, следовательно, вообще непознаваемо*. То есть наличие ограниченности, а значит и формы является, по мнению многих исследователей, необходимым условием познаваемости явлений, *хотя на наш взгляд, это не обязательно, потому что мы вполне способны наблюдать изменчивое бытие существующей в движении материи*.

Понятие ограничения является очень важным в философии Николая Кузанского, «который в грандиозной форме объединяя духовные достижения античности и средневековья с основоположными замыслами нового времени, достиг такого синтеза, какой позднее уже никогда не удавался европейскому духу» (419, с.184). Согласно Н. Кузанскому *безграничен только Бог*, а тварный мир оказывается ограниченной эманацией Бога. «Творение получает от Бога свое единство, свою ограниченность и свою связанность со Вселенной…» (227, с.174). «Мир, или Вселенная, есть ограниченный максимум и единый, который опережает ограниченным образом противоположности, противоречия. Мир ограниченным образом есть то, чем являются все вещи, – он есть принцип ограничения во всем, ограниченная цель ве-

щей. Ограниченное бытие, ограниченная бесконечность... Если правильно рассматривать ограничение, все станет ясно» (227, с.185). «Ограниченное бытие есть не что иное, как сама вещь» (227, с.187), ... «Вселенная есть само ограниченное бытие в себе» (227, с.188), – отмечал Н. Кузанский. *Принцип ограничения проявляется для Н. Кузанского и в категориальном аппарате, когда более частное понятие является ограничением общего, универсального*, в иерархии явлений, когда индивид есть ограниченное проявление вида, а вид, соответственно, рода. Человек у Н. Кузанского тоже ограничен своей природой. «Человеческая природа есть вписанный в круг многоугольник, а круг – Божественная природа» (227, с.260). Совмещение человеческого с божественным, лишило бы человеческое своей природы (то есть собственной ограниченности, что многих почему-то пугает). Из онтологии Н. Кузанского логически вытекает и наличие социальных ограничений. К сожалению, его социально-философские работы, посвящённые *достижению религиозного согласия*¹² малоизвестны в России и, конечно, не исчерпывают данной темы. Тем не менее, наследие Н. Кузанского является значимой предпосылкой и основанием для постановки и исследования проблемы социальных ограничений.

Для И. Канта «ограничение – реальность, связанная с отрицанием» (183, с.86), неясно, правда, чего. В целом система

¹² Так как мешают разжигать конфликты и конкуренцию в обществе, нужные для его эксплуатации.

И. Канта носит ограничительный для теоретического и практического разума характер (и поэтому, популярна среди носителей «полицейской ментальности»). И. Кант видел свою задачу в установлении пределов человеческого рассудка, науки и поведения¹³.

Более подробно проблема ограничений рассматривается в работе Шеллинга «Система трансцендентального идеализма» (456). Субъектом и объектом, накладывающим ограничения на самого себя и сталкивающимся с ними в своей деятельности в объективном мире, у Шеллинга выступает трансцендентальное созерцающее Я: «Я (объективно) ограничивается тем, что оно себя (субъективно) созерцает; однако Я не может одновременно созерцать себя как объект и созерцать себя созерцающим¹⁴, а, следовательно, не может и созерцать себя ограничивающим... Акт, посредством которого Я ограничивает самого себя, есть не что иное, как акт самоосознания» (456-Т.1, с.290). «Основание различия двух деятельностей есть граница, положенная в реальную деятельность, ибо идеальная деятельность совершенно неограничиваема, реальная же теперь ограничена... Если... граница положена, то в Я существуют две деятельности, ограничивающая и ограниченная, субъективная и объективная» (456-Т.1, с.286). Разбирает Шеллинг и вопрос о внеш-

¹³ Ярko выраженная законодательно-полицейская функция.

¹⁴ Шеллинг мыслит здесь дуалистично, не видя возможности встать на 3-ю позицию, дающую видение обоих обозначенных им состояний.

них ограничениях Я: «В индивидуальность входит не только её наличное бытие в определённое время и все остальные ограничения, положенные органическим существованием; но её ограничивает и само её действие; действуя, индивидуальность вновь ограничивает себя, вследствие чего в известном смысле можно сказать, что индивидуум становится тем менее свободным, чем больше он действует¹⁵. Однако даже для того, чтобы начать действовать, я должен быть уже ограниченным. То, что моя свободная деятельность изначально направлена только на определённый объект, было выше пояснено тем, что наличие других интеллигенций уже лишает меня возможности хотеть всего» (456-Т.1, с.417). Получается, что бездействуя, можно хотеть всего...

«Свободой для идеального Я непосредственно открывается бесконечность, так как несомненно, что ограничение придано ему только объективным миром; однако сделать своим объектом бесконечность оно не может, не ограничив её; вместе с тем бесконечность может быть ограничена не абсолютно, а только для действия, таким образом, что, как только идеал реализован, идея может устремляться далее, и так до бесконечности» (456-Т.1, с.427), – утверждает Шеллинг.

Как видно, специально проблемой социальных ограничений Шеллинг не занимался, к тому же на его позицию, похоже, повлиял декартовский индивидуалистический я-цен-

¹⁵ Особенно бездумно. Но, с другой стороны, действуя, человек и снимает с себя какие-то ограничения.

тризм и дуализм. Поэтому, несмотря на всю свою значимость его наследие в данном аспекте не бесспорно.

Для Гегеля «быть человеком, значит иметь ограниченный дух и ограниченную перспективу жизни» (175, с.468), что верно как для индивидуального человека, так и для общества, человечества в целом. Граница, предел человека устанавливаются самой формой человеческого существования, как «пространственно и временно разъединённых, телесно-душевных, эмпирических монад» (175, с.468). Предел человека по Гегелю, это возможность приблизиться к божественному состоянию (на наш взгляд, для приближения к божественному, надо, напротив, выйти за пределы человеческой природы).

«Ограниченность особенного народного духа становится законом человеческой жизни и её пределом» (175, с.456), а государство предстаёт *«как ограниченная во всех отношениях земная жизнь народа»* (175, с.443). При этом сам человек (как и человечество) предстают у Гегеля как инструмент, эманация абсолютного духа, который сам себя же и ограничивает в лице человека (не понятно, правда, зачем). В результате *в учении Гегеля мы имеем некоторую апологию ограничений, в том числе и социальных, выступающих как некая божественная и неизменяемая данность*. Это, как отмечал И. А. Ильин, превращает путь гегелевского абсолютного духа «в тропу непобеждающего страдания и... налагает печать безвыходности на человеческую жизнь»

и её смысл» (175, с.469). Согласиться с подобным подходом трудно, что продемонстрировал не только И. А. Ильин, но и К. Маркс, для которого социальные ограничения антагонистических обществ (отчуждение, эксплуатация, ограничивающее разделение труда) должны были исчезнуть при коммунизме, совпав с естественноисторическими ограничениями. *На наш взгляд, социальные ограничения не являются божественной данностью, не подлежащей изменению людьми, поэтому теория Гегеля не может служить адекватной базой для исследования социальных ограничений* и не определяет адекватно это понятие, являясь, по сути, примером ущербного, «полицейско-ограничительного мышления».

К проблеме социальных ограничений приближается А. Г. Дугин, размышляя о сущности границ. Для него граница не количественный, а качественный показатель. «Всякая вещь есть то, что она есть, благодаря ее границам. Ведь именно они отделяют ее от иной вещи. Отсюда важнейшее значение понятия границы не только для международного права, оборонной доктрины или структуры ВС, но и для философии как таковой. Граница – это не просто инструмент философии, но ее сущность¹⁶, так как самое высшее философское понятие – трансцендентность – означает в переводе с латинского «лежащее по ту сторону границы». Грани-

¹⁶ Это прозрачно намекает на то, что философия отнюдь не является высшей формой знания.

да выражает вовне то, что лежит внутри и, одновременно, ограничивает сущность вещи в ее столкновении с другими вещами. Граница есть нечто священное. У древних греков существовал особый бог – Terminus, означающий «предел», «границу» (149-Т.1, с.211).

Любопытные данные о видении и понимании границы в традиционной культуре приводят С. Э. Ермаков и Д. А. Гаврилов. Символом и знаком границы в традиции выступают ограды, рвы, реки, окна, мосты, пороги, двери, углы, ворота, моря, пути и дороги, перекрестки и перепутья, межи (расположенные между одним и другим), горы, зеркала, восходы и заходы светил, полдень, полночь. Также это могут быть любые особые точки пространства и времени: дупла, колодцы, пороги, береговые линии, которые могут служить местами переходов в иные миры и реальности. Также границей в традиции виделась мера, объем познанного и упорядоченного. Заграничное в этой оптике – не познанное, не упорядоченное, хаотичное, а потому, нередко, пугающее. Важно здесь то, что *граница в традиционной культуре воспринимается вовсе не как нечто закрытое, непреодолимая преграда, а напротив, как мост, ворота, проход в иные миры и реальности*¹⁷.

О метафизических аспектах границы размышляет также Г. Тер-Абрамян. Он полагает, что *граница не только цен-*

¹⁷ Ермаков С. Э., Гаврилов Д. А. Опора Мироздания. Мировое древо и Скала Времен в традиционной культуре. – М.: Ганга, 2009. – 288с.

тральное философское, но и важнейшее мировоззренческое понятие. «Понятие границы стоит в центре метафизической проблематики и трансцендентной философии уже постольку, поскольку само понятие трансцендентного, абсолютного – т.е. безграничного, беспредельного, существующего по ту сторону границ – является как бы производным от понятия ограниченного... т.е. космоса, тварного / проявленного мира» (387, с.88). В мифологии граница выступает с одной стороны как *нечто отрицательное, подлежащее преодолению, как преграда на пути к свободе*, а с другой стороны она является *оградой и защитой от сил разрушения и хаоса*. Ещё одно свойство границы заключается в том, что *она оказывается линией перехода одного в другое*. В этом заключается *противоречивость понятия границы и причины нашего неоднозначного отношения к ней*. В социальном аспекте граница является не только центральным этическим понятием, так как любая нравственность начинается с добровольного наложения на себя ограничений-запретов, но и началом любой цивилизации. «Варвар тот, кто имеет минимальное количество табу и в этом смысле ближе к животным, чем к «настоящим людям» (387, с.89), – считает Г. Тер-Абрамян¹⁸, который также движется в русле инволюционной «полицейской мысли», не желающей признавать

¹⁸ Получается, что степень свободы животных выше, чем человека. Но здесь автор ошибается, так как более высокоразвитая система всегда более свободна, чем низкоразвитая. Поэтому большое количество «табу» – напротив признак дикарей, а не высокоразвитых народов.

очевидности большей свободы характерной для более высокоразвитых систем. Рост «табу» и запретов – это путь инволюции, а не цивилизации.

Однако более чёткое определение понятия социальных ограничений даёт «Большой толковый социологический словарь» (52). «Ограничитель (constraint) – ограничивающее социальное влияние, ведущее индивида к соответствию социальным нормам или ожиданиям» (52-Т.1, с.518). Это определение, на мой взгляд, более точно, но связи с общими категориями в нём не прослеживается. То есть, определение этого словаря остаётся на уровне частно-научного, социологического понятия, что для нас является недостаточным.

«В философских категориях – это является одним из их важнейших признаков – отражается сущность более высокого порядка, чем в понятиях какой-либо науки – необходимая закономерная связь, общая явлениям различной природы» (206, с.73), – отмечал М. И. Конкин. А значит, *вопрос заключается в том, можно ли связать понятие «социальные ограничения» с общими философскими категориями?* На мой взгляд, это не только возможно, но и необходимо для более точной дефиниции этого понятия и ликвидации разрыва между его использованием в конкретной науке и философии.

Можно принять, что ограничение – это общее (то есть содержащее более одного элемента), *абстрактное* (свойством предметов и явлений может быть их ограниченность) по-

нятие. Это *видовое понятие (разновидность)* родовой категории «необходимость» (как антипода свободы). Понятие социальное ограничение (множественное число – социальные ограничения) в свою очередь является конкретизацией понятия «ограничение», его частным, социальным выражением. Антиподом понятия «ограничение» является понятие «неограниченность» (или его синоним – «безграничность»). Соответственно, социальной ограниченности противостоит социальная неограниченность: например, можно сказать: «социально неограниченный человек».

Рассмотрим эти определения подробнее. Ограничение – это действительно общее понятие, так как могут быть разные виды ограничений: например день ограничен восходом и заходом Солнца, год ограничен оборотом Земли вокруг Солнца, территория государства ограничена его границами, то есть разновидностей ограничений много. Это действительно абстрактное понятие, так как свойством предметов и явлений может быть их ограниченность, и любой единичный материальный предмет ограничен своей формой. У Аристотеля форма, ограничивая материю, превращает её из потенциальной в актуальную (т.е. проявленную, видимую). Будучи абстрактным понятием, ограниченность имеет и своё конкретное выражение – например, государственную границу. Это понятие является видовым понятием (частным случаем) категории необходимость, которая может проявляться наряду с ограничением как зависимость, принуждение, пред-

определённость и т. п. Конечно, понятия зависимость, принуждение, предопределённость имеют смысловую связь с понятием ограничение и могут определяться через него, например зависимость – это ограничение независимости; однако их смысловые оттенки и контекстуальная конкретизация различны и заданы в конечном итоге самим языком, а также нуждами и пониманием говорящего на этом языке.

Давать определение категории «необходимость» не входит в нашу задачу. Следует отметить, однако, что дефиниции этой категории были различными *в зависимости от общих философско-мировоззренческих позиций определяющих*. Например, в Философском энциклопедическом словаре необходимость определяется как «отражение преимущественно внутренних, устойчивых, повторяющихся, всеобщих отношений действительности, основных направлений её развития...» (415, с.409). Н. А. Бердяев выражал в этом вопросе иное мнение: «Материальная зависимость есть порождение нашей свободной воли. Необходимость есть лишь известное, дурно направленное соотношение живых и свободных субстанций разных градаций» (45, с.63). И. Кант считал необходимость априорной формой рассудка, фатально этим ограниченного.

Автор не будет пытаться давать здесь своего определения общей категории «необходимость», чтобы не попасть в «рабство у логических императивов, более утончённое, чем рабство у бездушной материи... против которого неку-

да и некому апеллировать» (233, с.50), предоставив возможному читателю свободу осуществлять её интерпретацию в зависимости от его философских позиций. Однако хотелось бы заметить, что с точки зрения методологии системного всеединства или принципа дополнительности *все известные определения этой категории содержат в себе долю истины, но и долю неполноты, делающей полное определение открытым*. При этом автор далёк от оруэлловской «диалектики» в понимании необходимости как осознанной свободы (по типу «война – это мир», «свобода – это рабство»), к которой склонялись Фихте (утверждавший, что «свобода есть нечто, что должно преодолеть» (Цит. по 233, с.168)), Гегель, Шеллинг и марксизм, когда «свобода должна быть необходимостью, необходимость – свободой»¹⁹. Но необходимость в противоположность свободе есть не что иное, как бессознательное» (456-Т.1, с.457). В решении этой проблемы автору ближе подход обозначенный Б. П. Вышеславцевым. «Что же такое... настоящая философская антиномия (например, свободы и необходимости)? Она есть логическое противоречие, за которым скрывается реальная гармоническая система противоположностей. Антиномии решаются... так, что тезис и антитезис, несмотря на кажущуюся несовместимость, оба остаются верными, но в разных смыслах. Они помогают открыть реальную систему бытия, как гармонию разных и противоположных смыслов и значений, ибо

¹⁹ Всё это – эквилибристика ограничительного, «полицейского мышления».

конкретная реальность не однозначна, но имеет много смыслов и значений. Так, например, антиномия „человек смертен и человек бессмертен“ решается тем, что оба суждения верны в различных смыслах, ибо человек есть гармоническое единство временных и вечных элементов, не пожирающих, но „питающих“ друг друга. По тому же самому принципу разрешается и антиномия свободы и необходимости» (88, с.28). Примером подобного решения противоречий является восточный символ ян-инь, в котором две силы – белая и чёрная взаимно перетекают одна в другую и содержат каждая в себе частицу своего антипода, образуя гармоническое единство.

Тем не менее, на мой взгляд, *при исследовании необходимости и её проявлений приоритет следует отдать свободе*, так как нельзя рассматривать необходимость исходя из неё самой, ибо это лишит нас свободы изучения и вообще поставит его под вопрос, ликвидируя, в частности, разделение на субъект и объект исследования. Поэтому, в данном случае можно методологически принять тезис Н. А. Бердяева о том, что «перво-жизнь есть творческий акт, свобода, носительницей перво-жизни является личность, субъект, дух, а не „природа“, не объект» (43, с.277). «Мало того, без свободы воли не может быть ни бескорыстного искания истины, ни наслаждения красотой, ибо и то и другое лежит в области не готовых данностей, а идеальных заданностей» (233, с.195).

Поэтому, окончательную формулу методологического подхода к необходимости можно выразить так: «Свобода и необходимость суть противоположности, но *не взаимно исключающие* друг друга, а такие, из которых одна есть *включающая*, а другая – *включаемая*» (88, с.73). То есть, ***свобода (воля) включает в себя необходимость (ограничение), будучи шире её, так как свобода может и ограничивать саму себя.*** Так, в социальном плане свобода может стать и нередко становится свободой «*выбора несвободы путём сознательного самоограничения личностью своих претензий на право самовыражения*» (173, с.211). «Ведь человек перестал быть животным (создал культуру) именно через постоянное и непрерывное создание „несвобод“ – наложение рамок и ограничений на дикость» (190, с.178).

Здесь необходимо уточнить некоторые аспекты в понимании свободы, так как в контексте русской (российской) и западной культур и ментальностей существуют определённые расхождения в содержании, подспудно вкладываемом в это слово. Данная проблема раскрыта в монографии В. Г. Федотовой (411). «Демократия, свобода Запада предстают как механизм, части которого жестко соединены в работающую конструкцию... Демократия – это социальная и политическая машина, в которой, чтобы она работала, нужно действовать по определенным правилам... Сюда входят принципы – свобода, правовое государство..., – но все эти части материализованы в части социального механизма, в основе которого

труд и производство» (411, с.110). *Таким образом, «свобода» в западной культуре, во-первых, понимается строго социоцентрично, а во-вторых, она заведомо уже социальных ограничений и является их частью.* «Свобода» в демократической машине это всего лишь *форма* политической и цивилизационной организации общества (411). Д. Неведимов также отмечает, что «понятия свобода – «freedom» и свободный – «free» в английском языке... Это совсем не та русская Свобода. «Free» означает *бесплатный*. Свобода по-английски – это то, за что не надо платить (299, с.95). *В либеральной идеологии свобода также понимается социоцентрично, но это исключительно негативная свобода от всех мешающих «торгующему индивиду», движимому эгоизмом и алчностью* социальных ограничений: политических, нравственных, правовых, религиозных, от всех сдерживающих его экономический интерес традиций, обязательств, оценок и связей. Так понимал свободу один из классиков либерализма Дж. Ст. Милль.

*Подобная трактовка свободы совершенно нехарактерна для русской ментальности. В русской культуре свобода напротив, космоцентрична*²⁰ (например, у А. С. Панарина: См. 321), и *понимается она как «воля», свобода от всех, в том числе социальных ограничений, и трак-*

²⁰ Яркий пример – «космическое воспитание» К. Н. Вентцеля: см. Вентцель К. Н. Свободное воспитание: Сб. избр. тр. / Вентцель К. Н.; Сост. Л. Д. Филоненко; Ассоц. «Проф. образование». – М.: АПО, 1993. – 170с.

туется порой как своеволие, анархия, возможность проявить крайности человеческой природы: «святое и звериное». Автор использует термин свобода в понимании характерном именно для России, выраженном, в частности, в философии Н. А. Бердяева, где свобода превозносится даже, как первооснова всего бытия. Исходя из того, что **подлинная свобода шире социальности**, а социальная свобода включена в систему социальных ограничений, специально проблема свободы здесь рассматриваться не будет.

Вернёмся к разбору понятия «социальные ограничения». Это понятие является частным случаем понятия «ограничения», так как общество является частью мироздания и, следовательно, социальные ограничения – разновидность ограничений существующих в мироздании и характерных для всякого отдельного предмета, явления, объекта. В случае если не рассматривать никакие явления как отдельные, то может показаться, что и *границ между ними нет, а значит и ограничений не существует. Подобное состояние можно назвать диалектическим антиподом ограничений – безграничностью или неограниченностью.* При этом неограниченность не является синонимом бесконечности, так как граница не всегда означает предел, после которого ничего нет. Ограниченность не тождественна и конечности.

Исходя из вышесказанного, автор рассматривает здесь ограничения вообще и социальные в частности, в рамках субъект – объектной парадигмы, так как именно в ней огра-

ничения и проявляют себя.

Критика и попытки преодоления субъект – объектной парадигмы хорошо известны, можно вспомнить в этой связи Шеллинга, Гегеля, Н. А. Бердяева, М. Хайдеггера. «Гений отличается от всего того, что не выходит за рамки таланта или умения, своей способностью разрешать противоречие, абсолютное и ничем иным не преодолимое» (456-T1, с.482), – писал Шеллинг, полагая, что снятие субъект объектного разделения доступно лишь гению посредством искусства. В. Ф. Эрн выразил попытку преодоления этой парадигмы так: «Истина не есть какое-то соответствие чего-то с чем-то, как думает рационализм, превращающий при этом и субъект, и объект познания в двух меонов. Истина онтологична. Познание истины мыслимо только как осознание своего бытия в Истине. Всякое усвоение истины не теоретично, а практично, не интеллектуалистично, а волюнтаристично. Степень познания соответствует степени напряжённости воли, усвояющей Истину. И на вершинах познания находятся не учёные и философы, а святые. Теория познания рационализма статична, – отсюда роковые пределы и непреходимые грани. Тот, кто стоит, всегда *ограничен* какими-нибудь горизонтами. Теория познания „логизма“ динамична. Отсюда беспредельность познания и отсутствие горизонтов» (Цит. по 252, с.76—77). *Подобный подход намечает пути к снятию социальных ограничений*, однако, он не даёт возможности их полноценно исследовать, ибо для данного исследова-

ния желательно не только объединение и отождествление исследователя с ними, но и отделение от них. Н. А. Бердяев писал в своей работе «Философия свободы», что разрыв всех субстанций ведёт к необходимости, когда всё далёкое и чуждое человек начинает воспринимать как давящее и необходимое. То есть ограничения в противоположном состоянии оказываются неуловимыми, превращаются в ничто, и предмет данного исследования, таким образом, исчезает. Однако в обществе, как замечал Аристотель, живут обычные люди, а не Боги (или святые) и животные, для которых социальные ограничения несущественны («Чтобы жить в одиночестве, надо быть животным или богом... Не хватает третьего случая: надо быть и тем и другим – философом» (306-Т.2, с.561), – добавил к этому Ф. Ницше), поэтому подходить к исследованию общества с «гносеологией богов» заманчиво, но не всегда продуктивно.

Исходя из этого, в данном исследовании будут рассматриваться как субъекты, так и объекты социальных ограничений. В качестве субъектов социальных ограничений будут рассматриваться их индивидуальные или коллективные творцы и хозяева, то есть те, кто сознательно или бессознательно создают и накладывают социальные ограничения на других членов общества, а в качестве объектов социальных ограничений соответственно будут рассматриваться «жертвы» этих субъектов, существующие сознательно или бессознательно в границах социальных ограничений. Субъ-

екты социальных ограничений выступают в качестве ограничителей, а объекты в качестве ограничиваемых. Конечно, если мыслить диалектически, то понятно, что субъект и объект социальных ограничений может совпадать в одном лице. *Ограничивая других можно одновременно ограничивать себя и быть элементом общей системы социальных ограничений ограничивающей всё общество в целом*²¹.

Для объекта социальных ограничений важно умение увидеть и осознать данные ограничения, которые могут ограничивать и подавлять как его врождённые, так и социально приобретённые свойства, качества и способности. Препятствием для этого может быть имманентность личности (группы) социальной реальности, то есть неспособность отделить себя от неё. *В этом случае, социальные ограничения будут восприниматься как нечто само собой разумеющееся, так как подобная «внешняя личность» сама является продуктом этих ограничений и, по сути, тождественна им.* То есть, *для осознания социальных ограничений человек должен быть в каком-то своём аспекте трансцендентным по отношению к окружающей его социальной реальности.* В суфизме (См. 453) и других духовных учениях и школах²² личность как социальное обра-

²¹ Это следует учитывать всем «полицейским» и рабовладельцам.

²² Напр. Самаэль Аун Веор. Принципы современного гностицизма. М.: Амрита-рус, 2013. – 288с.

зование считается ничем иным, как ложной личностью, маской, которую духовно развивающийся человек *должен преодолеть, перерасти, вернувшись к своей сущности*. А. А. Зиновьев в своих социальных исследования тоже *выбрал надсоциальную позицию «инопланетянина»*. «Жизнь в идеале вовсе не лишена смысла. Она и есть истинно человеческая жизнь. Но возможна она за пределами социальности. Внутри челове́йника, но не по его правилам» (165, с.20).

Большое значение для экспликации понятия социальные ограничения имеет определение границ того, что мы понимаем под обществом, отграничение общества от природы и не общества. Как справедливо отмечал Ю. И. Семёнов, проблема разграничения биологического и социального, социогенезиса вообще является непростой и спорной. На что, в частности, указывают исследования социобиологов – Э. Уилсона, К. Лоренца (249) и другие, в которых было доказано *наличие у животных значительного количества поведенческих комплексов, считавшихся прежде сугубо человеческими и созданными культурой*. Так, К. Лоренц писал о биологической основе 10 библейских заповедей. Однако граница между человеком и животным может быть проведена на основе совокупности человеческой морфологии и культуры, которой данный автор ошибочно противопоставляет «производственные отношения», являющиеся на деле частью культуры. Ю. И. Семёнов не признаёт за муравейниками и ульями статус обществ. По его мнению, «становление

человеческого общества завершилось, когда все биологические инстинкты были поставлены под социальный контроль и тем самым полностью ликвидирован зоологический индивидуализм» (362, с.39).

А. О. Бороноев и П. И. Смирнов также указывают на сложность определения понятия «общество» и «социальное» и разнообразие точек зрения в этом вопросе. Основой социальной взаимосвязи разным авторам виделись: совместная деятельность людей (Платон, К. Маркс, Э. Дюркгейм), чувственные связи (Г. Лебон, В. С. Соловьёв, Й. Хёйзинга), речь и коммуникация (Аристотель, Н. Луман), волевое взаимодействие (Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббс). По определению А. О. Бороноева и П. И. Смирнова «общество есть объединение людей, основанное на деятельностном взаимодействии; общество есть система субъективного типа, основанная на деятельностном взаимодействии людей» (50, с.11). Авторы выделяют преобладающие типы взаимодействия людей и соответствующие им характеры объединения: *природное взаимодействие – популяция, эмоциональное – общность, рече-коммуникационное – сообщество, деятельностное – общество, правовое – государство* (при этом последующие формы объединений включают в себя и предшествующие взаимодействия как второстепенные). При этом социум в широком смысле видится ими основанным на всех перечисленных плюс духовно-мистическом взаимодействии. Так как деятельность у этих авторов носит вынужденный харак-

тер, а общество основано на взаимодействии людей, то видение общества оказывается номиналистическим, основанным на гоббсовском вынужденном взаимодействии индивидов. Однако общество можно рассматривать и реалистически, как предшествующее индивиду явление и концептуалистически (проявляющее общее в индивидах), а его основой видеть более широкий, чем деятельность феномен культуры.

По нашему мнению, главным социообразующим феноменом можно считать культуру. Этот подход не противоречит деятельности, так как культура может создаваться в ходе деятельности и допустимо выражение «культурная деятельность». Однако возникает вопрос, что же мы можем считать культурой? «Положение с термином „культура“ может служить образцовым примером тому, в каком состоянии находится западная социальная мысль. Известно 175 определений этого термина. И ни одно из них не является общепринятым и бесспорным»²³ (165, с.381). Культура определяется как единство художественного стиля во всех проявлениях жизни народа (Ф. Ницше), продвижение к свободе (Ф. Энгельс), совокупность организационных форм и методов определённого класса (А. А. Богданов), социальное наследование (Б. Малиновский), единство всех форм традиционного поведения (М. Мид), аспект сверхорганического универсума, охватывающий представления,

²³ О нормальности такого состояния уже было сказано выше.

ценности, нормы, их взаимодействия и взаимоотношения (П. А. Сорокин), социальное направление, которое мы придаём культивированию наших биологических потенций (Х. Ортега-и-Гассет), то, что отличает человека от животного (В. Освальд), религиозный культ (Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, С. Л. Франк), знаковая система (Ю. Лотман), наследственная память коллектива (Б. Успенский) и т. д. (См. 179). В результате, по мнению М. С. Кагана, возникает проблема: все определения отражают необходимое, но нет достаточно-го, обобщённого, всеобъемлющего. Выход из этого затруднения М. С. Каган видит в системном подходе, который он и реализует в своей работе (179).

Однако для исследования социальных ограничений подходят далеко не все из перечисленных выше определений культуры, в частности неприемлемыми являются определения Ф. Ницше и В. Освальда, неприемлемы и подходы идеологов французского Просвещения, видевших в культуре продолжение природы, определения Гегеля (этап развития абсолютного духа), Гердера (развитие способностей ума), и ряд других, например, З. Фрейда.

В нашем случае культуру можно определить как совокупность неприродной социальной информации и продуктов её использования, передаваемых от поколения к поколению внешними социальными способами (через обучение, воспитание, язык). «До возникновения языка никаких социальных структур не существует, причём язык – это не рядовой эле-

мент культуры, но сама стихия социальной институционализации как таковой... язык не только объемлет всю социальную структуру, но и создаёт её. Ничто в обществе не предшествует языку, и причина его возникновения может быть лишь докультурной или природной» (135, с.390), – писал Ж. Деррида, развивая идеи Ж.-Ж. Руссо. Сходной точки зрения придерживается и последователь Б. Ф. Поршнева, российский антрополог Б. А. Диденко: «отличительная черта человека – речь. И свойства человеческой речи не только чужды обществу и реакциям животных, но противоположны им. Речь и язык (в широком понимании) определяют, в конечном счете, все свойства и процессы человеческой психики, сама она осуществляется только при наличии тех областей и зон коры головного мозга... которые имеются исключительно у Homo sapiens, в отличие даже от его ближайших ископаемых предков. Наконец в речевой функции вычленяется самая глубокая основа – прямое влияние на действия адресата... речи в форме внушения²⁴...» (138, с.23).

Таким образом, *культуру можно в данном случае отождествить с языком, особенно если толковать понятие язык широко*, понимая под ним всё многообразие предметов и явлений материальной и духовной культуры,

²⁴ Это имеет огромное значение в манипуляции сознанием и подсознанием, особенно в сфере подсознательного программирования поведения масс, в чем сегодня весьма преуспели СМИ.

каждое из которых обладает определённым *смыслом*²⁵. Культура в подобном понимании порождает и формирует неприродные качества человека и неврождённые способы деятельности, а также развивает, *видоизменяет и (или) подавляет (ограничивает) врождённые, природные и потенциальные способности, знания и силы людей. Культура в подобном ракурсе видится как совокупность правил и норм, как своего рода свод социальных законов.* При этом её отождествление с языком вполне правомерно – язык подобно культуре тоже имеет свои правила и набор структурных компонентов, задающих матрицу возможностей выражения – о чём-то говорить можно, а о чём-то нельзя, какие-то комбинации языковых символов противоречат правилам языка, а, следовательно, непонятны и бессмысленны, а что-то вообще нельзя выразить в языке, потому, что для этого просто нет слов. Например, «общая предпосылка любого философствования следующая: философия как таковая не располагает языком, соответствующим её подлинному назначению» (90, с.123), – писал Г.-Г. Гадамер. Аналогичную ситуацию мы имеем и в культуре в целом, а не только в языке, который в узком филологическом смысле может представляться лишь её частью.

Таким образом, **социальные ограничения** могут быть определены как необходимая *система социальных детер-*

²⁵ См. борьбу Н. Н. Вашкевича против «бессмысленных слов»: Вашкевич Н. Н. Системные языки мозга. – М.: б/и, 1998. – 400с.

минант, определяющих спектр возможностей, становящихся социальной действительностью в процессе общественных отношений и общественной практики. Система этих детерминант отражает закономерный, необходимый характер социальных явлений, социального действия и предстаёт в виде совокупности **эксплицитных (явных) и имплицитных (скрытых)** социокультурных правил и норм, моделей поведения, стереотипов мышления, средств, способов и результатов самовыражения людей, которым они сознательно и (или) бессознательно подчинены и за пределы которых не могут или не хотят выходить даже тогда, когда это необходимо для них самих и (или) общества, в котором они живут. Из данного определения следует, что **в роли социальных ограничений могут выступать не только идеальные нормы и стереотипы поведения, но и продукты материальной культуры.** Следовательно, **социальные ограничения имеют смешанный, идеально-материальный характер, что отделяет их от идеальных норм.** Синтетическое, обобщённое рассмотрение норм, стереотипов поведения и материальных артефактов позволяет увидеть их общую ограничительную функцию, которая при ином ракурсе их рассмотрения не очевидна. **Снятие социальных ограничений осуществляется посредством девиантного (отклоняющегося) поведения, которое может быть позитивным (творчество) и негативным (преступность).**

Примером писанных, то есть зафиксированных в языке и оглашённых социальных ограничений может служить право, а неписаных социальных ограничений, то есть чётко не зафиксированных и не всегда оглашённых в языке – мораль. *Достаточно очевидно также, что социальные ограничения – это не набор хаотических элементов, разрушающих друг друга (в этом случае они не могли бы функционировать), а своеобразная система, имеющая свою структуру, функции, элементы и атрибуты, которые следует по возможности выявить и описать на основе системного подхода, что и будет сделано ниже.* Из данного выше определения следует, что *понятие социальные ограничения шире более традиционного понятия «ценностно-нормативная система» и задаёт видение ценностно-нормативной системы в определённом, а именно ограничительном ракурсе.* «Традиция охватывает все от „применения“ орудий, технологий ..., до ремесленных навыков в изготовлении видов приборов, форм украшений и т. д., от соблюдения нравов и обычаев до культивирования показательных образцов...» (90, с. 260), писал Г.-Г. Гадамер и поэтому не имеет смысла при познании социальных ограничений рассматривать лишь их изолированные фрагменты.

Следует также соотнести понятие социальные ограничения с более известными и привычными понятиями, такими как социальное управление, социальный контроль, социальная дискриминация и девиантность (отклоняющееся

от норм поведение).

По отношению к социальному управлению социальные ограничения могут выступать в двойственной форме и являться как инструментом данного управления, так и его источником и рамками. В процессе управления его субъект может накладывать или снимать те или иные социальные ограничения на управляемый объект, то есть, по сути, *социальное управление представляет собой ни что иное, как искусство манипуляции социальными ограничениями в чьих-то интересах*²⁶. С другой стороны, социальные ограничения являются рамками, в пределах которых осуществляется социальное управление и, выходя за них, управление становится уже не социальным. Но социальные ограничения являются, что особенно важно, *источником социального управления*, ибо управляющий в своей деятельности неизбежно руководствуется теми или иными нормами, установками, поведенческими и ментальными стереотипами, выступающими в роли явных или скрытых детерминант его деятельности. Также любые системы верований, представлений, убеждений индивида или социальной группы могут использоваться и используются в качестве инструмента для манипуляции ими. Так, например, при колонизации «туземцев» европейцами им сначала (или параллельно) навязывалась христианская религия, опираясь

²⁶ См. напр. Парабеллум А. 99 законов власти и лидерства. – М.: АСТ, 2016. – 320с., Грин Р. Законы власти. – М.: РИПОЛ-классик, 2006. – 320с.

на внедренные нормы которой колонизаторам было гораздо проще манипулировать их поведением и мышлением. Эта же операция ранее была произведена с самими европейцами, а в последние десятилетия – с населением «постсоциалистических» стран. Поэтому *грамотное управление невозможно без понимания системы социальных ограничений*.

Социальный контроль (которым в современной России пытаются подменить демократию) *есть способ реализации различных социальных ограничений*. А. А. Рябов определил социальный контроль как «способ саморегуляции любой социальной системы, регламентирующий и консолидирующий деятельность (поведение) ее членов, стабилизирующий ее собственное функционирование и развитие посредством формирования (стихийного или сознательного) личностных, групповых и институциональных стандартов деятельности (поведения), оценки на их основе реальной деятельности (поведения) людей и последующего приведения ее в соответствие с ними при помощи социальных санкций» (356, с.6). Сходные определения можно найти и в других источниках: (18, с.13; 415, с.612). О. Г. Антонова определяет социальный контроль как «общественный процесс, имеющий целью наблюдение за функционированием социальных объектов / социальных общностей, институтов, индивидов/, проверку и оценку результатов их деятельности в соответствии с социальными нормами, а также применение к объектам определенных мер воздействия с целью ликвидации нега-

тивных явлений /отклонений/ и всестороннего развития позитивных явлений и тенденций» (18, с.13). Таким образом, *посредством социального контроля субъект управления накладывает на личности и общество социальные ограничения и следит за их функционированием.* При этом изначальный субъект управления и непосредственный «социальный контролер» (проверяющий что-либо чиновник, полицейский, судья) могут не совпадать и, как правило, не совпадают. В этом случае «проверяющий» оказывается в роли машины, инструмента истинного субъекта социального контроля, что часто не осознается им, так как он психологически отождествляется с верховным контролером, начиная, условно говоря, «думать его головой», действуя своими руками, ногами и языком. Такой «проверяльщик» оказывается в этом случае в роли дистанционно управляемого биоробота истинного субъекта социального контроля, что для видящих и понимающих это, выглядит смешным. К сожалению, в таком состоянии «бессознательных роботов-полицейских» находится сегодня значительная часть населения.

Социальный контроль является одной из *функций* социальных ограничений. *Социальная дискриминация, как лишение каких-либо прав личности или группы на основании их признаков и свойств есть всего лишь одно из проявлений социального контроля в его негативном аспекте.* Социальная дискриминация (расовая, половая, религиозная) является методом реализации социальных ограничений

и может быть одной из форм социального контроля. Современному человеку необходимо четко различать где, в чем и как он подвергается социальной дискриминации и кто (что) является её источником и причинной. Дело в том, что сегодня она зачастую реализуется негласно, скрытно, в обход официальных правовых норм, гарантирующих всем равные права и *некоторые свободы*. Например, хотя Конституция РФ 1993 г. в ст. 23 гарантирует каждому (при этом, не раскрывая значения термина «каждый») право на неприкосновенность частной жизни, сегодня каждый проживающий в РФ систематически подвергается не санкционированному им видеонаблюдению и прочим формам слежки и контроля. Не исключена и возможность составления чиновниками, спецслужбами и частными компаниями различных негласных «черных списков», служащих основаниями для негласного умаления и ущемления, законодательно гарантированных прав и свобод человека и гражданина. При этом *принудительно и тайно пораженный в своих правах человек и гражданин может даже не подозревать об этом.* Сама же эта проблема в обществе широко не обсуждается, что только усугубляет негативное влияние данной формы социальных ограничений.

Девияция, то есть отклонение, а конкретнее девиантное (отклоняющееся) поведение, не соответствующее принятым в данном конкретном обществе нормам и стандартам есть способ преодоления, снятия определённых форм социаль-

ных ограничений, их видоизменения и трансформации. *Как справедливо замечал известный ученый-юрист Я. И. Гилинский, девиантное поведение может быть полезным (творчество) и вредным (преступность).* Поэтому девиацию как понятие и явление не следует считать чем-то заведомо негативным, как это принято в «полицейской» псевдокультуре. *Разумный человек не должен быть заражен мемами неophobia, ксенофобии, девиантофобии, инакофобии и прочими деструктивными комплексами мышления и поведения.* «Культура изменяется посредством отклоняющегося поведения. Прежде всего – в результате социального творчества, но также и под воздействием социальной патологии» (107, с.15), – писал Я. И. Гилинский. Так как в обществе преобладающих «консервативных ценностей» не санкционированные властью изменения не одобряются, то в нем разворачивается настоящая борьба с культурой (наукой, искусством, образованием, политикой), что мы могли наблюдать как в прошлом – инквизиция, фашизм, так и сегодня.

Выявив категориальный статус социальных ограничений, сформулировав определение этого понятия и соотнеся его с логически связанными с ним понятиями, мы получаем теперь возможность более подробно разобрать некоторые онтологические и гносеологические проблемы исследования социальных ограничений.

1.2. Онтологические и гносеологические проблемы исследования социальных ограничений

В предыдущем разделе уже были рассмотрены *некоторые* онтологические и гносеологические проблемы исследования социальных ограничений, неизбежно возникшие по ходу решения задачи определения этого понятия и включения его в общую систему философских категорий, в частности был выявлен субъект и объект социальных ограничений и *проведена граница социального и не социального*. В данном разделе этот разбор будет продолжен.

Решая проблему изучения социальных ограничений, необходимо иметь в виду, что социокультурные нормы, правила и прочие средства выражения культуры *должны пониматься отнюдь не только как ограничения и препятствия; их можно мыслить, понимать и использовать также в качестве возможностей и свобод для самореализации человека*. Как отмечал Е. М. Харитонов, общество существует только в человеческом действии и, хотя и зависит от него, но не является его продуктом; то есть *социальные структуры существуют как средства и возможности для человеческих действий, хотя иногда и ограничивают их*

(См. 434). Поэтому, *описание их ограничительного аспекта не является отрицанием противоположного, освободительного*²⁷. Подобная трактовка исследования социальных ограничений явилась бы обывательским, чисто рассудочным подходом, *не поднимающимся до разума*, диалектики (полилектики²⁸) и мышления, феноменом манипулятивно-одномерного сознания. От такого подхода предостерегал М. Хайдеггер в своём известном «Письме о гуманизме» (См. 338, с.341—342), указывая, что *критика ценностей, логики, гуманизма, религии ещё не говорит об утверждении того, что является их рациональным антиподом*. Однако, именно такой подход свойственен эмоциональному рассудку, мыслящему по принципу «или-или», который обоснованно высмеивал Гегель, в то время как *развитой личности* свойственно «целостное (критическое) восприятие вещей» (242, с.62), гарантирующее реалистичность восприятия мира. Неслучайна, видимо, нарочитая усложнённость некоторых текстов М. Хайдеггера, рассчитанная на *отсеивание* подобных одномерно-рассудочных критиков и читателей²⁹.

²⁷ Также не следует приписывать автору исследования социальных ограничений позицию их апологета, сторонника, пропагандиста и пророка, с чем, увы, автор столкнулся.

²⁸ Многомерного, а не дуального, как в диалектике восприятия явлений. Полилектика – термин А. С. Шушарина: См. Шушарин А. С. Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии). – М.: Мысль, 2005.

²⁹ Способ самозащиты от агрессии со стороны дураков.

Чтобы понять особенности функционирования социальных ограничений следует рассмотреть *вопрос о том, являются ли социальные ограничения необходимым атрибутом общества и каковы законы их функционирования.*

Б. П. Вышеславцев писал: «И вот что особенно удивительно: причинная необходимость не только не противоречит свободной целесообразности, не только не уничтожает её, но, напротив, является необходимым условием её возможности. Человек только тогда может осуществлять свои цели при помощи ряда средств, если законы причинной необходимости остаются ненарушаемыми, ибо ряд средств есть ряд причин... Если бы природа действовала свободно и произвольно, человек окончательно потерял бы свободу действия: он стал бы рабом случая, или же рабом населяющих природу и свободно действующих духов. Результат ясен: свободная воля, действующая по целям, возможна только в таком мире, который насквозь причинно детерминирован. „Индетерминизм“ уничтожил бы свободу действия» (88, с.72).

Из сказанного выше мы можем сделать вывод, что *без чёткой и устойчивой системы социальных ограничений в обществе, сколько-нибудь устойчивое целедостижение и функционирование отдельных личностей и групп на основе сознательно поставленных планов, целей и систем ценностей невозможно*³⁰. ***Отсутствие чёткой системы огра-***

³⁰ Поэтому современные законодатели постоянно меняют правила социальной игры (законы) для нейтрализации социальной активности масс.

ничений в обществе лишает субъекта социального действия свободы достижения сознательно поставленных целей. Получается, что в известной мере, чем незыблемее социальные порядки и законы, тем больше в обществе возможностей для сознательного творчества, а их постоянное изменение («перманентная революция» по Л. Д. Троцкому или её разновидности – перманентные реформы и законотворчество, инновационная, модернизаторская лихорадка), может рассматриваться как *метод подавления в обществе свободы.* Однако, это верно только для сознательно планирующего, целерационального сознания и субъекта. *Если же сознание иррационально и реактивно, а его носитель стремится не к созиданию, а к поиску приключений, готов идти «куда глаза глядят» или куда укажет телевизор и реклама, то наличие чёткой детерминации, в том числе и социальной необязательно и даже нежелательно.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.